

Горбунова Светлана Витальевна,
Кандидат исторических наук, доцент,
Нижевартовский государственный университет,
г. Нижневартовск

ГРИГОРИЙ ФЕДОРОВИЧ ФОН ГЕНС: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ РОССИЙСКОГО ИМПЕРСКОГО ЧИНОВНИКА

Аннотация: Статья посвящена деятельности Г.Ф. фон Генса на посту председателя Оренбургской пограничной комиссии – основного органа управления казахами Младшего жуза в первой половине XIX в. Особое внимание уделяется роли Г.Ф. Генса в урегулировании пограничных конфликтов и межродовой вражды казахов.

Ключевые слова: Г.Ф. фон Генс, Оренбургская пограничная комиссия, управление казахами Младшего жуза.

Процесс вхождения казахов в состав Российской империи, начавшийся в 1731 г. с указа Анны Иоанновны о принятии Младшего жуза в подданство, растянулся на более чем 130 лет, и сопровождался постоянными нападениями казахов на пограничные линии, которые были созданы для защиты от новых подданных, и кровопролитными внутренними конфликтами в самой Степи. С 20-х гг. XIX в. российские власти стали предпринимать реальные меры по умиротворению и «насаждению гражданственности» в Степи, и соответственно, выросла роль административных органов, которым и было поручено осуществление этой политики на местах. Младший жуз, наиболее проблемный, находился в ведении оренбургского военного губернатора и Оренбургской пограничной комиссии.

Следует отметить, что до 20-х гг. XIX в. Оренбургская пограничная комиссия была маловлиятельным органом, занимавшимся преимущественно выполнением распоряжений оренбургского военного губернатора. Ее руководители были, как правило, людьми, если и не случайными на этом посту, то мало знакомыми с традиционным казахским обществом, и не пользовавшимися авторитетом ни в Степи, ни в Петербурге. Влияние этого учреждения значительно выросло, когда в Оренбург был направлен один из создателей Азиатского департамента МИДа В.В. Тимковский во главе специальной дипломатической миссии, которая должна была ознакомиться с положением в Степи и представить свои предложения по дальнейшей политике России в этом регионе. В течение года В.Ф. Тимковский выполнял функции председателя Оренбургской пограничной комиссии, напрямую подчиняясь только министру иностранных дел. Но конфликты с оренбургским военным губернатором, пренебрежительное отношение к признанному Россией хану Младшего жуза Шергазы и поддержка мятежного Арынгазы, мятежного претендента на ханский престол, привели в конечном итоге к отзыву В.Ф. Тимковского из Оренбурга [1, с. 163-166]. Однако Министерство иностранных дел и Азиатский комитет не изменили стремления иметь относительно независимое от оренбургского военного губернатора учреждение для азиатских дел. Кроме того, возрастающее значение Средней Азии во внешней политике России и необходимость прекращения нападений казахов на пограничную линию, обеспечение безопасности караванных путей заставили правительство более ответственно подходить к кадровым вопросам в оренбургском ведомстве. И военное ведомство, и Министерство иностранных дел посчитали наиболее оптимальной кандидатурой на пост председателя Оренбургской пограничной комиссии Григория Федоровича Генса.

Григорий Федорович (Георг Гергард) Генс родился в 1787 г. в семье прибалтийских дворян. В 1806 г. начал службу юнкером в Петербургском инженерном корпусе, и в 1807 г. был переведен из столицы в Оренбург. Частые командировки на пограничную линию и в казахскую Степь (Г.Ф. Генс служил в инженерной части Отдельного оренбургского корпуса и, кроме организации военно-строительных работ и контроля за городской застройкой Оренбурга, привлекался к разведке полезных месторождений) позволили ему ознакомиться с хозяйством, бытом, общественным устройством, нравами казахов. В 1818 г. Г.Ф. Генсу было поручено разобрать архив Оренбургской пограничной комиссии, благодаря чему его знания «азиатских дел» пополнились и расширились [2, с. 176]. В 1824 г. Г.Ф. Генс, оставаясь начальником инженеров Отдельного оренбургского корпуса, был назначен первым директором Неплюевского кадетского корпуса и приложил большие усилия для организации учебного процесса – от формирования программы обучения до подбора преподавателей и разработки проекта здания для этого учебного заведения [4, с. 14-21].

В 1825 г. Г.Ф. Генс был назначен председателем Оренбургской пограничной комиссии – российского органа, осуществлявшего управление казахами Младшего жуза. При этом он продолжил совмещать новые обязанности со старой должностью, и только в 1832 г. ушел от руководства Неплюевским кадетским корпусом, но по-прежнему уделял ему большое внимание, оставаясь его попечителем.

Начиная с Г.Ф. Генса председатели Оренбургской пограничной комиссии не только претворяли в жизнь российскую политику в отношении казахов, но и, в свою очередь, оказывали существенное влияние на ее формирование, принимая участие в выработке большинства нормативных актов, касавшихся управления Степью. Особенно значимой была их роль в обеспечении плавного перехода от традиционного управления в казахских жузах к общеимперскому. В этот период на пост председателя Оренбургской пограничной комиссии назначались выдающиеся администраторы (Г.Ф. Генса сменил М.В. Ладыженский [подробнее о нем: 5, с. 112-123], а с 1854 г. руководителем ОПК стал известный востоковед и талантливый администратор В.В. Григорьев).

С назначением Г.Ф. Генса председателем Оренбургской пограничной комиссии изменился состав этого органа. В 1820 г. В.Ф. Тимковский докладывал Азиатскому комитету, что ее чиновники «большой частью люди без всякого образования и сведений, стесненные в содержании, скудные духом». Некоторые из них «ославлены поступками противозаконными, всего более мздоимством и хищениями, и не способны иметь правильный взгляд на предметы, особливо при соображениях политических» [6, л. 13-14]. Г.Ф. Генс смог подобрать советников из числа чиновников, хорошо знавших Степь, прослуживших какое-то время на других должностях в самой Комиссии или в ведомстве военного губернатора. Ф. Лазаревский, Н. Баталгин, И. Бикмаев, П. Ванев, Е. Каминский, С. Казачинский, И. Масленников, выдающийся монголовед и тюрколог А. Бобровников, Н. Смольянинов, Н. Костромитинов внесли немалый вклад в упрочение влияния России в Младшем жузе. При Комиссии в разное время работали такие известные люди, как А.И. Левшин и В.А. Даль. Кроме того, Г.Ф. Генсу удалось активизировать деятельность заседателей-казахов, которые представляли интересы Младшего жуза [Подробнее: 7, с. 58-64]. Оренбургская пограничная комиссия не была образцовым учреждением, но благодаря административному таланту Г.Ф. Генса она стала таким органом, составу которого, по словам Н.И.Веселовского, «могло позавидовать любое присутственное место в Петербурге» [8, с. 187].

При этом нужно иметь в виду, что служба в Оренбургской пограничной комиссии была гораздо труднее и опаснее, чем в других ведомствах, и она требовала специальных знаний о Степи и опыта. Советники ОПК проводили в командировках по 3-4 месяца в командировках, чиновники по особым поручениям и для производства следствий в степи – еще больше.

«Синекур в провинции почти нет, – писал В.В. Григорьев, –... в провинции все служащие работают и много работают» [Цит. по: 8, с. 187]. Поездки в Степь до 50-х гг. XIX в. были сопряжены с опасностью погибнуть или попасть в плен. Сын самого Г.Ф. Генса, Дмитрий Генс, тоже служивший в ОПК, умер в 1848 г., заразившись в степи холерой [6, с. 64].

На посту председателя ОПК Генс организовал целую систему изучения не только Казахской степи, но и Хивы, Бухары, Коканда с помощью специальных агентов. Кроме того, нужные сведения Г.Ф. Генс получал, расспрашивая среднеазиатских купцов, казахских султанов и старшин, простых казахов [3, с. 160]. Собранные материалы он тщательно записывал. В Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Оренбургской области сохранилось весьма солидное рукописное наследие Г.Ф. Генса: дневниковые записи, расспросные речи, маршруты, заметки по истории, этнографии, лингвистике, хозяйству казахов (вот названия некоторых из них: «Хлебопашество киргизов», «Хан киргизской Малой Орды Ширгазы Айчуваков», «Ханы киргизские», «Разделение киргизов на орды, роды и отделения», «О толенгутах», «Об имени "казак"», «О лошадях киргизских»). Эти рукописи пользовались известностью еще при жизни Г.Ф. Генса, как ценный источник информации, необходимый в управлении казахами, и в качестве источника научных работ. В частности, исследования, материалы и карты Г.Ф. Генса были использованы А. Гумбольдом в труде «Центральная Азия» [4, с.119].

Г.Ф. Генс стал фактически организатором систематического изучения Степи и Средней Азии. Он считал, что только изучив культуру и историю народов, населяющих эти земли, проникшись их «духом», можно будет определить действительные, стратегические, а не сиюминутные интересы России, четко сформулировать основные цели и выработать оптимальную тактику для их достижения [9, л. 22 об.].

Г.Ф. Генс справедливо полагал, что непоследовательность российской политики в Казахской степи и в целом в Средней Азии обусловлена отсутствием ясных целей у правительства в этом регионе. По его мнению, в первую очередь необходимо было, наконец, решить, что же более соответствует российским интересам: «приобщение [казахов – С.Г.] к составу народа русского» или сохранение их самобытности, подчинение среднеазиатских стран или только торговля с ними [9, л. 24].

Сам Г.Ф. Генс был сторонником как можно более тесного сближения казахов с русскими, которое в конце концов должно было привести к их слиянию. «Главною целью каждого правительства, – писал он, – должно быть благоденствие народа, им управляемого, и, чтобы распоряжения его были действительны, и производили пользу общую, надобно, чтобы народ составлял одно целое, одну массу. Для сего нужно, чтобы со временем исчезли между частями исчезли все признаки, отличающие одну от другой, а, следовательно,... магометане сделались христианами, татары, башкирцы и прочие – русскими» [10, л. 37]. Г.Ф. Генс разработал целую программу постепенного распространения между башкирами, татарами и казахами светского образования, русского языка и православия. В этом вопросе немец и лютеранин Г.Ф. Генс действительно был русификатором: благополучие нерусских народов он связывал с их ассимиляцией, считая, что «народам покоренным... должно быть облегчено соединение с народом господствующим, к чему они будут стремиться для собственной выгоды» [10, л. 30 об.].

Г.Ф. Генс понимал, что без жестких мер, одной «заботливостью», установить мир и спокойствие на границе и в самой Степи не удастся. Он возмущался тем, что «киргизцам прощают все; все извиняют простотою нравов их и невежеством. Ожидают, что они просветятся, образуются и тогда сами собою отстанут от грабежей! Но никогда и ни в каком народе, не вывелись разбои и своевольтва иначе как наказанием преступников» [10, л. 20 об. – 21]10.

Однако на практике Г.Ф. Генс соглашался на применение силы в самых исключительных случаях, прилагая все усилия к мирному погашению то и дело вспыхивающих конфликтов.

Основной задачей Оренбургской пограничной комиссии и ее председателя было прекращение нападений казахов на русскую границу. Г.Ф. Генс разработал ряд правил для пограничных жителей, которые были нацелены на предотвращение каких-либо конфликтных ситуаций на границе, а также стал автором многочисленных инструкций, которыми должны были руководствоваться казахские султаны, дистаночные начальники и родовые старшины.

При Г.Ф. Генсе российские власти начали предпринимать активные действия по урегулированию межродовых столкновений в самом жузе. Г.Ф. Генс был одним из инициаторов использования традиционных методов разрешения конфликтов. В 1827 г. возникла угроза серьезных беспорядков в самой спокойной части Степи – во Внутренней Букеевской орде. Букеевские казахи начали массовую откочевку за Урал, возвращаясь на территорию Младшего жуза. К середине апреля 1827 г. за Урал успело перейти 1887 кибиток казахов разных родов и отделений, т.е. почти пятая часть населения Внутренней Орды [11, с. 106]. Происходили мелкие стычки с казаками, пытавшимися не допустить скот на свои пастбища. Хан Джангир докладывал в Оренбург, что подвластный ему народ «совсем вышел из повиновения», «злоумышленные киргизцы» разъезжают вооруженными вблизи ставки с намерениями «покуситься на жизнь его». Г.Ф. Генс принял решение отправиться в Орду, причем без военного сопровождения. Узнав, что в Александрове-Гае формируется отряд уральских казаков, он не разрешил ему выступить в степь, «находя, что мера сия слишком скоропостижна и вместо уменьшения волнения во Внутренней Орде возникшего, при малейшей неосторожности может оную усилить и обратить в явное возмущение» [12, л. 942].

Во все рода и отделения были отправлены посыльные с приглашением старшинам прибыть на съезд в урочище Уялы в Рын-песках. Сам Г.Ф. Генс прибыл туда только с восемью казаками. Более недели почти непрерывно происходили совещания между старшинами, султанами и ханом. Г.Ф. Генс на них не присутствовал лично, но всегда знал, какие вопросы обсуждаются и определял решения, оказывая влияние на каждого авторитетного участника в отдельности. В результате старшины дали подписку, что больше не имеют намерения перейти за Урал и просили председателя Оренбургской пограничной комиссии уничтожить все жалобы на хана и его окружение [12, л. 944-945].

На начало 30-х гг. XIX в. пришелся очередной всплеск междоусобиц в Младшем жузе. Особую активность проявляли джагалбайлинцы, враждовавшие со всеми соседними родами. В 1830 г. они убили султана-правителя Средней части Медетгали Турдалиева, разорили его аулы, захватили в плен семью султана и находившихся при нем старшин.

В Степь был послан специальный отряд из 400 башкир, казаков и солдат под личным командованием Г.Ф. Генса. Казахам было заранее объявлено, что отряд направляется не для военных действий и захвата преступников, которых даже «не думает изыскивать, а надеется, что сами киргизы обуздают их», но для «примирения, защиты и удовлетворения всем и каждому» [12, л. 34]. К отряду присоединились султаны-правители Восточной и Средней частей и многие старшины. Убедившись, что русские направляются действительно с мирными целями, к отряду стали стекаться казахи и из отдаленных родов. Еще до начала переговоров Г.Ф. Генс, как делал это и раньше, отправил обратно основную часть своего сопровождения, оставив для охраны несколько десятков казаков. Переговоры завершились удачно: султаны и старшины родов джагалбайлы, табын, тама, кипчак, керей решили удовлетворить взаимные иски за последние три года полностью, за три предшествовавшие этому года – частично (за каждую лошадь – по годовалому жеребенку), а остальные – «предать забвению», и торжественно обещали больше не возобновлять барымту, и выдавать русским властям для наказания тех, кто нарушит этот договор [13, л. 49-55].

Главными виновниками убийства Медетгали Турдалиева были названы султаны Санали Мурзагалиев и Уса Алавшин. По просьбе семьи погибшего Г.Ф. Генс принял решение не преследовать убийц, а завершить дело по обычному праву, взыскав с них кун (выкуп). Выполняя обещание не наказывать преступников по российским законам и в то же время опасаясь новой вспышки барымты, председатель Оренбургской пограничной комиссии нашел компромиссное решение, предложив виновным султанам перебраться с семьями и скотом в Букеевскую Орду [13, л. 56-57].

Впоследствии российская администрация неоднократно использовала подобные методы урегулирования степных конфликтов.

В 1844 г. Г.Ф. Генс вышел в отставку «вследствие расстроенного здоровья» в звании генерал-майора, но был оставлен в ведомстве МИД с сохранением жалования и произведен в тайные советники. Он не стал уезжать из Оренбурга, где прошла его жизнь, по-прежнему жил с семьей «в доме на 13 окон», где, пока мог, принимал своих сослуживцев и знакомых степняков. Дом Г.Ф. Генса и его семьи по-прежнему был открыт и для русских, и для казахов. Севастьянов писал: «Киргизы, особенно во время голодовок и других бедствий приходили к нему целыми толпами и просили помощи, и даже оставляли своих детей» [3, с. 161]. 10 мая 1845 г. Г.Ф. Генс скончался на 64 году жизни и был похоронен на лютеранском кладбище Оренбурга.

Талантливый и честный администратор, скромный и порядочный человек, он оставил о себе добрую память. Небезынтересно, что и дореволюционные исследователи, обращавшие внимание, в первую очередь, на просчеты русской администрации, и советские историки довольно нейтрально оценивали личность Г.Ф. Генса; даже современные казахстанские ученые характеризуют его как «человека широкой эрудиции», называют «примером чиновника, добросовестно выполнявшего обязанности на своих постах» [например, 14, с. 14].

Список литературы:

1. Горбунова С.В. Оренбургская миссия В.Ф. Тимковского (1820-1822 гг.) // Валихановские чтения-17: Сборник материалов международной научно-практической конференции. Т.1. – Кокшетау: Изд-во Кокшетауского государственного университета им. Ш. Уалиханова, 2013.
2. Попов А. Рукописи Г.Ф. Генса //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. XIV.
3. Севастьянов, С.Н. Григорий Федорович Генс // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1908. Вып. XIV.
4. Матвиевская Г.П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории. – М.: Издательский дом Академия естествознания, 2016.
5. Избасарова Г.Б. М. В. Ладыженский как один из разработчиков региональной политики Российской империи // Вопросы истории. 2017, № 12.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1291. Оп. 2. Д. 185.
7. Горбунова С.В. Образование и состав Оренбургской пограничной комиссии //Россия и Запад: проблемы истории и филологии: Межвузовский сборник научных трудов. – Нижневартовск: Издательство НПИ, 1999.
8. Веселовский Н.И. Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816-1881. – Спб., 1887.
9. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 166. Оп. 1. Д. 5.
10. ГАОО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 3.
11. Шахматов В.Ф. Внутренняя Орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946.

12. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1285.
13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 135.
14. Султангалиева Г.С. Каратолмач, штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) //Панорама Евразии. 2008, №2.

